

180 лет со дня рождения сатирика «Щедрин насквозь современен»

Сегодня исполняется 180 лет со дня рождения великого русского писателя-сатирика **Михаила Салтыкова-Щедрина**. А театралов в этом году ожидает еще один специфический щедринский юбилей: десять лет назад состоялась премьера одного из лучших отечественных представлений по прозе Щедрина — моноспектакля «Дневник провинциала в Петербурге», поставленного режиссером санкт-петербургского ТЮЗа Григорием Козловым и сыгранного актером Алексеем Девотченко. Об этой постановке и о современном восприятии творчества Салтыкова-Щедрина с Григорием Козловым поговорил корреспондент «Газеты» Кирилл Решетников.

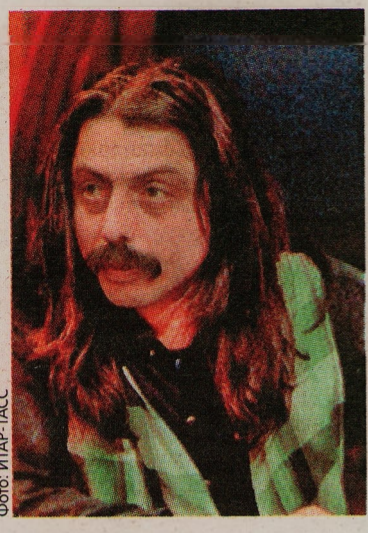

Фото: ИТАР-ТАСС

Десять лет назад вы поставили моноспектакль по щедринскому «Дневнику провинциала в Петербурге». Как возникла эта идея, в чем заключался замысел?

Мой артист Леша Девотченко прочитал повесть, и мы вместе начали работать, потому что возникло какое-то предчувствие. Мы делали спектакль о том, как время, действительность человека заедает. Человек творческий, к чему-то стремящийся едет в Петербург с определенными планами, мыслями, но встречается со всеми этими компаниями — ну, вы помните... Мы ситуацию еще обостряли — герой написал эту книгу, а теперь находится в лечебнице и рассказывает нам всю историю. Место, куда тебя заточают, — единственное, где можно избавиться от суеты мира.

То есть у вас было скорее лирическое прочтение и лирический элемент для вас был важнее сатиры?

Да, абсолютно точно. У нас и музыка была такая... Например, там, где говорится о бане — «и парюсь, и парюсь», — мы выбрали мотив, помогающий перевести баню в метафорическую область, увидеть здесь образ очищения. Человек стремится к лучшему, каждый раз хочет начать жить по-новому. Но ему это не удается, он увязает в обстоятельствах, погружается в эту городскую столченную среду. Да, мы «вытягивали» лирический момент, я бы даже сказал, поэтический.

А как насчет параллелей с окружающей действительностью? Ведь эта вещь, как и все у Салтыкова-Щедрина, остросатирическая, а спектакль возник в 1990-е, в очень непростое время.

Да, конечно, параллели были. Это вообще делалось «по поводу». Но если бы мы играли это как сатиру, то было бы, я думаю, не смешно. Есть человек в реальных обстоятельствах... Он хочет открыть мир, с кем только не общается, проходит все круги ада, проникает в разные среды вплоть до элиты, но везде встречает лицемерие. На исполнителя был костюм Пьеро, типа полунинского, только белый — его придумала Ольга Саваренская. Из героя сделали как бы клоуна,

и психологически это было очень точно. Была сделана карта Петербурга из аптечных бутылок, еще были перья в качестве банного веника... Герой ходил между бутылок, путешествовал, попадал в разные ситуации, общался сам с собой, может быть, немного на манер сумасшедшего.

Почему была выбрана именно эта вещь — она вызвала у вас какой-то особый личный отклик или привлекла сама по себе?

Мы с Лешей тогда чувствовали себя посторонними в этой жизни. Когда репетировали, было хорошо; общаться с другими было сложнее. Моноспектакль, хотя это и игра, — в большей степени исповедь. Когда ты после репетиции погружаешься в отношения людей, которые занимают другими делами, тебе иногда хочется сразу же бежать за спиртным — как и Салтыкову-Щедрину, который хоть и был вице-губернатором, часто брался за стакан. Вот в периоды отчаяния и хотелось обратиться к этой истории.

Нужно было еще создать текстовую основу — щедринский текст ведь не исполнялся целиком...

Мы выбрали одну сквозную линию. Начиналось все в больнице, потом речь шла о том, как провинциал приехал в Питер и как попадал в различные компании. Сделали композиционный отбор. Получился спектакль на два часа. Текст произносился быстро, артист стремительно переходил от одного к другому, проигрывал все происходящее, играл диалоги и намечал характеры.

Была ли задача как-то адаптировать щедринские фразы к современным интонациям — все-таки это произведение более чем столетней давности, или Салтыков-Щедрин и так современен?

Насквозь современен. Когда мы играли первую редакцию спектакля, никто вообще не понимал, о чем это, зал был в недоумении. Все понимали, что классно, но как с жизнью соотносится... В 1996 году смотрели на мастерство, писали, что хорошо сыграно. А когда мы играли последний спектакль в Москве, в зале хохотали навзрыд, не давали играть. В Москве вообще зрители удивительные... Даже консервативная питерская публика смеялась и аплодировала. Потому что то, о чем идет речь, стало узнаваемо.

ИГ